

Сентября 15 (28)

Священномученик
Николай (Цветков)

Священномученик Николай родился 8 марта 1879 года в селе Никольском Звенигородского уезда Московской губернии в семье диакона Иоанна Глебовича Цветкова. Хозяйство диакона Иоанна состояло из дома, коровы и участка земли в 14 десятин, но из-за того, что он страдал страстью винопития, семья, в которой было четверо детей, постоянно бедствовала. Землю он не мог и не хотел обрабатывать и сдавал ее в аренду крестьянам, а деньги пропивал.

Николай рос мальчиком благочестивым, и с детства его мечтой стало служение Церкви. Уже с раннего возраста он уделял серьезное внимание своему духовному настрою, и, чтобы вполне отдавать себе отчет в том, каков он в тот или иной момент жизни, Николай вел дневник, в который записывал не только внешние события, но и различные помыслы, а также делал заметки о церковном богослужении, смысл которого он всегда старался уяснить для себя поточней. Поскольку семья из-за страсти отца жила бедно, то в дневник попал и рисунок первых сапог, которые купили ему довольно поздно, когда пришла пора отдавать его учиться.

Николай Иванович окончил духовное училище и поступил в Вифанскую Духовную семинарию, которую окончил в 1900 году. В 1901 году в волоколамский собор потребовался диакон с хорошими певческими данными. Выбор пал на Николая Ивановича, как только что окончившего Духовную семинарию и имевшего прекрасный голос. Его посвятили девице Анне; она была сиротой и воспитывалась у дяди. Они обвенчались, и вскоре после этого он был рукоположен в сан диакона к волоколамскому собору.

Начав служить в соборе, отец Николай взял к себе в дом престарелых родителей; отец продолжал пить, в нетрезвом состоянии вел себя буйно, и сыну пришлось через страсть отца потерпеть многие скорби, так как это расстраивало мирное течение жизни глубоко религиозной семьи. Несмотря на все усилия диакона Николая удержать отца от винопития, они не увенчались успехом – диакон Иоанн страдал от этой страсти до самой смерти и скончался в 1908 году в нетрезвом состоянии. Такая смерть отца явилась ударом для благочестивого сына; с этого момента он совершенно переменял образ жизни и, уже не удовлетворяясь исполнением предписанных церковным уставом молитв, поселился в отдельной келье на колокольне и повел жизнь постническую и сугубо молитвенную, иногда проводя в молитве всю ночь. Свою маленькую комнатку он всю заставил иконами, превратив ее в моленную. Было невозможно земными средствами изменить участь почившего, не прибегая к молитве сугубой и к делам благочестия, не ревнуя о том, чтобы превзойти праведность «книжников». Смерть священнослужителя – отца, ведшего образ жизни, не достойный своего звания, побудила диакона Николая с удвоенной силой устремиться к жизни праведной и святой. Он стал помогать всем неимущим и страждущим. В округе не было ни одной вдовы, ни одного бедняка и попавшего в беду, которым он бы не помог.

Протодиакон Николай Цветков

Кому пошлет воз дров, кому одежду, кому сапоги. Все духовенство в соборе было ему обязано своим материальным достатком. Видя нужду кого-либо из священников в продуктах или в одежде, он неизменно восполнял замеченный недостаток. Весь доход духовенства откладывался в кружку и потом делился на всех. Получая свою часть, отец Николай никогда не доносил ее до дома, раздавая все по дороге. Так продолжалось до тех пор, пока его супруга Анна Николаевна не договорилась, чтобы отдавали все деньги ей, так как у нее уже были две маленьких дочери. Среди окружающих он стал вести себя подобно юридивому. На многие вопросы, которые ему задавали, отвечал загадками и поговорками. Когда с кем-нибудь встречался и разговаривал, то часто держал в руке цветок и делал вид, будто нюхает его, летом – это были живые цветы, а зимой – искусственные. Даже находясь в тюрьме, он всегда, когда ему давали свидания, выходил к пришедшему с цветком в руке.

В то время каждое лето духовенство ходило с крестными ходами по окружающим Волоколамск селам со скульптурным образом Николая Чудотворца, который ныне находится в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Спирово. Священники ходили по очереди, а из диаконов чаще всего сопровождал чудотворный образ отец Николай. Крестный ход проходил расстояние в десятки километров, и в нем принимали участие люди из самых отдаленных приходов, куда с крестным ходом не доходили. Собиралось по несколько тысяч человек, которые с пением молитв и акафиста Николаю Чудотворцу шли по селам, останавливаясь в каждом для служения молебнов. Основное торжество бывало в Иосифо-Волоколамском монастыре. Из-за этих крестных ходов во всей округе знали чудного диакона – молитвенника и подвижника. Такие шествия, жизнь среди народа, изливавшего в молитвах свои беды, нужды и чаяния, хорошо познакомили отца Николая с жизнью простого

народа, он радовался его радостями и печалился его печалью и не раз был свидетелем чудес, совершавшихся по горячей молитве страждущих.

За безупречное и ревностное служение отец Николай был возведен в сан протодиакона. Подвижническая жизнь, глубокое смирение, многочисленные дела милосердия, творимые им, возводили его душу от силы в силу, и в конце концов Господь наделил его дарами прозорливости и чудотворений, и люди в еще большем числе стали приходить к отцу Николаю, прося его молитвенной поддержки и помощи.

Однажды пришла к нему солдатская вдова Пелагия. Муж ее попал в плен в 1914 году и там умер; она осталась с тремя малыми детьми и жила вместе с двумя братьями, у которых были свои семьи. Некая старушка предложила Пелагии перейти к ней в дом и до смерти опекать ее, чтобы после смерти дом перешел к Пелагии. Она пошла посоветоваться к отцу Николаю и спросила его, хорошо ли будет, если она так поступит.

– Пелагеюшка, хорошо-то хорошо, – сказал отец Николай, – очень хорошо. Но ты воздержись с недельку! Воздержись, подожди! Само дело покажет.

– С недельку? Батюшка, как много! – воскликнула она. Но все же послушалась. А через несколько дней дом старушки сгорел. Сгорело бы и все имущество вдовы, успеи она перейти в этот дом.

Жила в тех местах некая благочестивая девица, которую звали Елена. Она пела в церковном хоре и была очень набожна. Однажды она с хором пропела литургию и молебен и вышла на церковный двор. И вдруг услышала, как ей с колокольни отец протодиакон кричит: «Елена, вернись, я забыл тебе подарок дать в дорогу. Только ты сейчас не разворачивай, а когда придешь домой, разверни». И он дал ей сверток, в котором было все необходимое для погребения и свечи. Через три дня Елена скорпостижно скончалась.

Одной семье явилась необходимость ехать за хлебом в Нижегородскую губернию. Спросили у отца Николая, ехать или нет. Он ехать не посоветовал. Они, однако, поехали. Поезд дошел до Нижнего Новгорода, а им надо было ехать дальше, но как они ни пытались проехать дальше, им это не удалось и пришлось вернуться ни с чем.

Один из жителей Волоколамска поехал по делам в город Ржев и не вернулся. Прошло уже довольно времени, а его все не было. Пришла жена пропавшего к отцу протодиакону и попросила:

– Помолись, пропал муж, не знаю, что и случилось!

– Он в пятницу приедет, – ответил отец Николай.

И действительно, в пятницу прибежала эта женщина сказать, что ее муж вернулся.

Некая девушка попросила отца протодиакона благословить ее на замужество. Отец Николай не благословил, но вместо того подарил ей обертку от конфеты «Раковая шейка». Обиделась девушка: «Что я маленькая что ли, картинку мне подарил?» Не послушалась отца Николая и вышла замуж. А через два года она умерла от рака.

Пришла к отцу Николаю некая Анна Ивановна Сурикова, которая тяжело страдала от припадков. Отец Николай дал ей святой воды и какой-то травы и велел выпить. Она выпила и совершенно исцелилась, припадки не повторялись до конца жизни, и умерла она, когда ей было далеко за восемьдесят лет.

Однажды принесли к отцу Николаю девочку пяти лет, у которой был паралич ног. Врачи отказались ее лечить, заявив, что они бессильны и ничем

помочь ей не могут. Отец Николай послал мать с ребенком в собор отслужить молебен перед иконой Божией Матери «Взыскание погибших». После молебна девочка выздоровела.

Слава о подвижнике, молитвы которого угодны Богу, стала расходиться все шире, и с каждым годом все больше людей приходило к отцу Николаю. В округе его почитали как святого и праведника.

Но пришли к власти безбожники, и начались гонения. В 1918 году власти арестовали отца Николая и заставили чистить уборные в городе; они запрягли его вместо лошади, и он вывозил из города бочки с нечистотами. Им хотелось опозорить того, кого народ почитал святым, но для него это была слава и честь – пострадать за Христа. Праведник со смирением переносил все издевательства. В дьявольской ненависти к Церкви безбожники однажды арестовали икону-скульптуру святителя и чудотворца Николая и заключили ее в сарай под замок, а с ней вместе поместили в тот же сарай протодиакона Николая.

Но и этого безбожникам показалось мало. Вблизи Волоколамска в деревне Андреевской жил сочинитель рассказов на тему крестьянского быта Сергей Терентьевич Семенов. В юности он встретился с писателем графом Львом Толстым, который лестно отозвался о первых рассказах крестьянского юноши. Впоследствии Семенов уехал в Англию, в 1904-1905 годах жил у толстовца В.Г. Черткова и присоединился к обществу толстовцев, разделив их религиозное учение. Когда Семенов вернулся в Россию, правительство арестовало его за антигосударственную пропаганду, и он был приговорен к ссылке, которая была заменена разрешением на выезд за границу. Большевистские идеологи писали о нем как о выдающемся деятеле, который вернулся в деревню, чтобы «отдаться в ней до конца жизни всевозможной культурной, просветительской, реформистской работе, борясь со всевозможными препятствиями, борясь с властью духовной тьмы, окружавшей его, подвергаясь сыску и преследованиям царской власти, выславшей его на несколько лет за границу за “вредное влияние на население”».

3 декабря 1922 года Семенов был убит недалеко от села. В убийстве были обвинены местный зажиточный крестьянин Григорий, одно время бывший председателем местного совета, и его семья – жена, сыновья, дочери, а также муж дочери, начальник районного отделения милиции. Крестьяне, будучи арестованными, признали себя виновными в убийстве, объяснив, что мотивом убийства явилось многолетнее преследование и домогательство Семеновым жены Григория, Аграфены, закончившееся изменой мужу. Воинствующие безбожники решили превратить этот процесс из уголовного в антирелигиозный и арестовали вместе с убийцами протодиакона Николая, зная, что народ почитает его за святого. Основанием для обвинения явилось знакомство Аграфены с отцом Николаем и то, что она ездила к нему за советом, как поправить неустройство и отсутствие мира в семье. «И сказал ей один раз волоколамский соборный дьякон, – писала месяц спустя после убийства центральная газета “Правда”, – почитают его все за святого:

– Надо внутреннего врага извести».

При аресте у отца Николая был изъят его дневник, в котором он делал записи не только о внешних событиях жизни, но главным образом записывал помыслы, хорошо понимая, что только тот будет успешен в борьбе с врагом спасения человека – дьяволом, кто побивает его на подступах, когда он

пристывает к человеку, нашептывая те или иные греховные помыслы, пытаюсь вовлечь в беседу с собой и отвлечь от Господа.

Все обвиняемые, однако, несмотря на усилия следователей, категорически отказались признать наличие каких бы то ни было религиозных мотивов в убийстве. «Вы в Бога веруете?» – спросил следователь Григория. Тот только выругался в ответ.

В конце апреля 1923 года выездная сессия Московского Губернского суда в Волоколамске рассмотрела дело в публичном заседании. Суд продолжался в течение двух дней с утра и до позднего вечера, и его ход освещался в центральных газетах. Процесс проходил в городском театре. Протодиакона Николая приводили на суд под усиленным конвоем, но в зале суда он сидел отдельно от остальных обвиняемых. Центральная газета «Известия» так описывала этот процесс. Одним из последних был допрошен протодиакон волоколамского собора Цветков. Его в округе считают чуть ли не за святого. Он раздавал бедным девицам «счастливые» рублики. И был также всеобщим молитвенником. В данном деле предварительным следствием было выяснено, что Цветков неоднократно отзывался о покойном Семенове как о чернокнижнике и человеке, в котором сидит дьявол. Давая показания суду, протодиакон отрицает какое-либо участие в подстрекательстве к убийству. Он будто бы всегда проповедовал идею всепрощения и любви к ближнему. Все же, в конце концов, подсудимому приходится признаться, что он относился враждебно к толстовскому учению и недолголюбил Семенова, который был последователем и распространителем этого учения.

На суд защитой были вызваны крестьяне, которые пытались показать в пользу протодиакона Цветкова, характеризуя его добрым, отзывчивым человеком, помогавшим бедным и обездоленным.

Старшая дочь Григория Вера показала, что ходила к волоколамскому святому протодиакону Цветкову, который сказал ей о Семенове: «Раз он своих детей не крестит, в церковь не ходит, икон дома не держит, стало быть, в нем дьявол, дьявольская сила».

Спрошенный о том, протодиакон ответил: «Не упомню... может, и говорил насчет дьявола... Счастливые рубли давал молодым девицам... и старым девам, многодетным...» Судья, прочитав отрывок из дневника, в котором протодиакон записал свои помыслы, стал спрашивать, каким образом он согрешил с девицей. Отец Николай в ответ на это вздохнул и спросил: «А там как написано, в помыслах или на деле?»

Судья снова стал зачитывать отрывки из дневника подвижника, стараясь его всячески высмеять. Отец Николай спокойно и с достоинством отвечал, что в дневнике изложены его мысли. Он уже не пытался оправдаться, он видел, что его решили осудить, и принял все происходящее как волю Божию. Он не подходил новой власти, и она решила его уничтожить. Девять часов совещался суд, прежде чем принять решение о виновности и степени наказания подсудимых. Наконец был зачитан приговор, в котором обвиняемые были приговорены к десяти, девяти и восьми годам заключения. Протодиакон Николай был приговорен к десяти годам тюремного заключения и к трем годам ссылки.

После приговора отец Николай содержался в тюрьме в Волоколамске. В это время умерла от тифа его старшая дочь, которой был тогда двадцать один год. Отец Николай просил администрацию тюрьмы отпустить его проститься с дочерью, но ему не позволили, и дочь похоронили без отца.

Вскоре протодиакона Николая перевели из Волоколамска в пересыльную тюрьму в Москве, а затем – в Лефортовскую тюрьму, где он пробыл шесть лет, из них два года – в одиночной камере. Зимой камера не отапливалась и стены покрывались инеем. Вместо отопления, вносили жаровню с горящими угольями, которая давала мало тепла, но зато нещадно чадила, и от угарного дыма вскоре начинала болеть голова.

Через некоторое время администрация тюрьмы позволила передать узнику иконки, восковые свечи, кое-какие книги; в тюрьме он много молился и вполголоса служил молебны. Ему разрешили вести переписку. Верующая благочестивая девушка однажды написала ему: «Я хочу подражать святым девам». «Вы пишете мне, что вы хотите подражать святым девам, – написал в ответ отец Николай. – Это гордость, гордость. Нам бы хоть немножко быть похожими на них».

В 1929 году протодиакон Николай был по амнистии освобожден. За время его заключения власти отобрали дом, где жили его жена с дочерью, и они уехали в Москву. Отец Николай поселился в селе Ярополец неподалеку от Волоколамска у своего брата, диакона Сергия, служившего в местном храме. Затем он жил у своих духовных детей то в Москве, то в Волоколамске, то в селе Парфеньково, опасаясь находиться на одном месте продолжительное время, чтобы не подвергнуть неприятностям приютивших его хозяев. Весть об освобождении протодиакона Николая быстро облетела окрестности, люди стали идти к нему, прося помолиться, испрашивая совета. Вскоре об этом узнали власти и искали удобного случая, чтобы арестовать праведника.

24 сентября 1931 года председатель Парфеньковского сельсовета Василий Юдин пришел в дом председателя церковного совета Казанской церкви в селе Парфеньково Марии Шишаевой, у которой в то время остановился отец Николай, и арестовал его. Вместе с ним была арестована насельница уже закрытого Бородинского монастыря Прасковья Булеева, которая пришла в этот день к Марии, чтобы помочь ей убрать картофель. Когда узнали об аресте отца Николая и послушницы, к дому Марии стали приходиться верующие, пытались убедить председателя сельсовета освободить ни в чем не повинных людей, и говорили ему: «Зачем забираешь нашего отца, он никому ничем не мешает».

В тот же день председатель сельсовета отправил арестованных к уполномоченному Волоколамского ОГПУ, послав с ними сопроводительную записку, в которой писал: «Настоящие господа держали прочную связь с председателем церковного совета Марией Шишаевой, каковая во время ареста устроила целую демонстрацию. Подробно мы можем поговорить после, наедине, но только, пожалуйста, избавьте нас от этих гостей, которые держат всю несознательную бедноту в своих руках».

Арестованные протодиакон Николай и послушница Прасковья были заключены в Волоколамскую тюрьму. 29 сентября власти допросили отца Николая. Отвечая на вопросы следователя, отец Николай сказал: «Мария Владимировна Шишаева попросила меня заехать к ней денька на два, то есть до 25 сентября. Я исполнил ее просьбу и остановился у нее. Пробыв у нее два дня, я был задержан председателем сельсовета и отправлен в милицию. Со мной вместе была задержана Прасковья Николаевна Булева из села Гарутино, которая работала у Марии Владимировны Шишаевой. Меня многие желали повидать и поговорить со мной, но из-за боязни – разговаривать остерегались, чтобы не повредить мне».

Следователь спросил, каково отношение протодиакона к современным мероприятиям советской власти на селе. Отец Николай ответил: «В настоящее время всюду и везде строятся колхозы, но население в силу своей темноты к колхозам относится недоверчиво; причем колхозы надо бы развивать медленнее, надо было бы показать один хороший колхоз, а затем строить другие. Также я считаю, что население не совсем подготовлено к организации колхозов в силу культурной отсталости».

Следователь сообщил, что протодиакона обвиняют в том, что он сеял слухи о пришествии антихриста, и спросил, что он может сказать по этому поводу. Отец Николай ответил: «Разбирая настоящее положение в стране, можно отметить два признака пришествия антихриста на землю. Первый – это появление ненависти друг к другу. Часто можно слышать, когда человека осудили на восемь лет, не сожаление о нем, а такие, например, выражения: “Мало, надо бы осудить на десять лет”. И второй признак – совершенно пропала любовь друг к другу. В настоящее время посещение церкви по сравнению с дореволюционным временем сильно сократилось. Я считаю, что главной причиной слабого посещения церкви является запрещение священникам проповедовать слово Божие. Через собеседование с верующими, а также через проповедь многие талантливые ораторы могли бы хорошо разъяснить Божие учение, но они молчат из-за боязни ареста». «Я считаю, что наш волоколамский собор, – ответил отец Николай на последний интересующий следователя вопрос, – закрыли не по решению верующих, он верующим не мешал, а просто закрыли по решению власти».

За несколько дней перед допросом отца Николая были допрошены свидетели, в основном это были официальные представители советской власти в селе. Председатель сельсовета в селе Ярополец Михаил Карулин сказал: «Монашка Булеева распространяла слухи по селениям о том, что из тяжелой неволи вернулся “святой” отец Николай, то есть Николай Иванович Цветков, который по своей святости предсказывает о будущем. Ежедневно к Цветкову собиралось по вечерам до двадцати женщин, и он говорил им: “Тяжелые наступили времена, антихрист спустил своих слуг на землю за прегрешенья людские; каждодневно, ежечасно слуги антихриста запутывают в свои сети прегрешивших людей. Надо больше молиться Господу Богу и не впадать в искушение”. Многие женщины задавали вопросы о том, как им быть, вступать в колхоз или нет, на что протодиакон Цветков говорил: “Колхозы посланы на нашу землю за великие наши грехи, колхоз ведет к разорению православной веры. Надо остерегаться вступать в него”. В силу этой агитации протодиакона Цветкова с весны сего года по октябрь месяц рост коллективизации по всему Ярополецкому району идет очень медленно. Эта агитация сильно действует на религиозную часть женщин, и в результате этой агитации по селению Гарутино рост коллективизации стоит на месте, слабо поступают хлебозаготовки, самообложение и страховые платежи».

Председатель Парфеньковского сельсовета, арестовавший отца Николая, Василий Юдин, показал против него: «Николай Иванович Цветков и монашка Прасковья Николаевна Булеева в селе Парфеньково вели систематическую антисоветскую и антиколхозную агитацию, используя для этой цели религиозную часть женщин и мужчин. По вечерам к Цветкову приходили женщины, в основном беднячки. В результате этой агитации в селе Парфеньково рост коллективизации стоит на месте. На собраниях единоличников, а также на общих

собраниях часто по вопросу коллективизации слышны такие возгласы: “Колхоз – это барщина, в колхозе будет голод, в него мы не пойдем. У нас нет ничего, мы погибаем с голоду, а вы нас обираете”. В результате контрреволюционной работы Цветкова и Булеевой в селе Парфеньково до сих пор не собран совхоз, слабо поступают страховые платежи, не выполнены заготовки, самообложение проведено с большими трудностями и уплата по самообложению поступает слабо, рост коллективизации стоит на месте».

26 октября 1931 года состоялся расширенный пленум Парфеньковского сельсовета, на котором Юдин сделал доклад. В итоге пленум постановил: «Принимая во внимание доклад о подпольной работе Цветкова и Булеевой, просим... ОГПУ изолировать данных граждан из нашего района, как активных работников антисоветского характера, тормозящих в продолжение года рост коллективизации селения Парфеньково».

25 ноября 1931 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Николая Цветкова и послушницу Прасковью Булееву к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

После того как приговор стал известен, верующие Волоколамска направили прошение в Священный Синод, чтобы он ходатайствовал перед ВЦИКом об освобождении протоиерея Николая. В этом письме они писали: «Протоиерей Николай Цветков во время своего 20-летнего служения в соборе города Волоколамска всегда был для нас примером искренней веры в Бога, кротости, воздержания и благоговейного служения; но особенно он явил пример апостольского терпения во время заключения в тюрьмах с 1923 по 1929 год. Слова “какая темница не имела тебя узником” отчасти применимы и к нему: он сидел в Волоколамском доме заключения, затем в Московских тюрьмах: в Сокольниках, в Таганке; особенно долгое, шестилетнее, заключение он, Цветков, провел в Лефортовском изоляторе, терпя двухлетнее пребывание в одиночной холодной камере, отчего он застудил ноги и у него появились раны. Все это он терпел, подражая апостолу, сказавшему: “Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем” (Гал.6,17). Кроме болезни и холода Цветков нес физические труды при колке дров для отопления, при переносе дров и каменного угля на носилках с улицы в корпус, приходилось переносить и мешки с картофелем в подвал осенью, а также бревна и кирпичи во время строительства тюремных построек. Эти последние работы были возлагаемы на него в наказание за то, что он писал много писем, исполненных духовного утешения и укреплявших верующих в благочестии. В настоящее время протоиерей Цветков снова заключен в Волоколамске, будучи осужден на трехлетнее пребывание в исправительно-трудовом лагере. Мы, верующие города Волоколамска и Волоколамского района, нижайше просим членов Священного Синода ходатайствовать пред ВЦИКом об освобождении протоиерея Цветкова из заключения на пользу нас, верующих, осиротевших без своих пастырей».

Из Волоколамской тюрьмы отец Николай писал письма верующим, насколько позволяли обстоятельства. Незадолго до праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы ему было разрешено свидание с послушницей Прасковьей, которая, зная, что отец Николай страдает от болезни ног, связала и передала ему чулки. В записке он написал ей:

«Благодарю, мой милочек, за праздничный подарочек.

“Ангели вхождение Пречистой видевшие удивились, како Дева вниде во святая святых”.

Здравствуйте, моя незлобивая Паша!

Шлю праздничное приветствие и благодарность за посещение и драгоценный подарок – чулочки. Тут, моя милочка, шерсть и ниточка. Как вас благодарить?

Предлагаю вам загадку о любимом вам ленке. Били меня, били, ключьями рвали, колотили, колотили, по полю валяли, под ключ запирали, на стол сажали. И отгадку: лен, пряжа, холст, скатерть.

Народная песня о льне: всем селом на загон под июнь сеять лен, ты родись-родись силен и силен и длинен, волокнистый белый лен. Как под цвет отцветешь, пожелтеешь и поспеешь, мы по осени придем, дергать будем, обобьем, околотим семена – получи, хозяин, на! А хозяйке волокно и зимой веретено.

За новенький подарок прилагаю три новенькие бумажки, рублевые новые».

13 декабря отец Николай был отправлен из Волоколамской тюрьмы в Бутырскую в Москве, а затем – в Мариинские лагеря в Сибири. Условия содержания здесь были суровые. Некоторые заключенные, зная о безответности отца Николая на причиняемое ему зло, пользовались этим, чтобы облегчить свое положение. Однажды некий заключенный донес на отца Николая, будто тот нарушил лагерный режим. И хотя это было неправдой, заключенный получил некоторое облегчение в условиях содержания, а протодиакон Николай был заключен в карцер, который не отапливался, и если днем, когда пригревало солнце, еще можно было согреться, то при наступлении ночи карцер становился ледником. Только усердная молитва и физическая закалка спасли его от смерти. Отец Николай еще на свободе приучил себя ко всякого рода лишениям. Зимой, несмотря на лютый мороз, мог даже купаться в реке.

Все помещения, в которых были размещены заключенные в этом лагере, представляли собой палатки с железной печкой посередине. Кто был посильней и понаглей, те устраивались около печки, остальные мерзли у обледенелых брезентовых стен. В лагере отец Николай слыл за Божьего человека, который не отставал свое физическое место под солнцем, но которого не всякий решался обидеть.

Однажды заключенным дали по «уроку» – обработать по большому участку земли. За невыполнение задания лишали пайка. Все справились с заданием, один отец Николай отстал, и тогда один из заключенных, татарин, который свою работу закончил, принялся делать работу отца Николая и с успехом закончил ее. Заключенными это было сочтено за явное чудо и проявление милости Божией, так как норма была едва посильной для одного человека.

В Мариинском лагере отец Николай был немало утешен встречей с монахинями из Волоколамска, которых отправили отбывать заключение в этот лагерь. Поначалу они, и столкнувшись с ним, его не узнали. Он был одет в лохмотья, одна нога у него была в сапоге, а на другую надет лапоть, а сапог висел за спиной, так как он не мог его надеть из-за раны на ноге, которая в течение долгого времени его мучила и не поддавалась никакому лечению. Встретившись и узнав друг друга, они некоторое время плакали от радости и не могли остановиться в изъяснении чувств, затем монахини промыли рану и, добыв чистых тряпиц, перевязали ее. Они сшили протодиакону некое подобие простыни и одеяла и купили в лагерном ларьке еды. Утром следующего дня отец Николай им сообщил: «Пришел хорек и все уволок». Почти все три года заключения отец Николай оставался без лагерного пайка, нередко у него отнимали и скудный

лагерный обед, оставляя его ни с чем. Отец Николай все это смиренно переносил и говорил об этих случаях: «Я могу терпеть, а они нет».

18 июня 1934 года протодиакон Николай был освобожден из Мариинского исправительно-трудового лагеря и 27 июня приехал в Волоколамск; некоторое время он жил здесь у своих духовных детей, затем у брата диакона и у своих духовных детей в селах.

27 августа 1937 года власти арестовали его. Первое время он содержался во временной тюрьме, устроенной властями в одном из сел. 6 сентября уполномоченный НКВД допросил протодиакона.

– Чем вы занимаетесь в настоящее время? – спросил его следователь.

– Определенного места и занятий я в настоящее время не имею. Ни в какой церкви я богослужение не совершаю, но от своего сана я не отказался.

– Следствию известно, что вы среди населения проводите контрреволюционную агитацию. Признаете ли вы это?

– Выйдя из заключения, я разговаривал с верующими, когда они обращались ко мне за советами и с жалобами на тяжелую жизнь. Я им подтверждал, что жизнь настала тяжелая, и говорил, что нужно надеяться на Бога и Его помощь, молиться, чтобы Бог избавил нас от дальнейших тягостей.

После допроса протодиакон Николай был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. Здесь 22 сентября уже другой следователь снова допросил его, задав всего два вопроса.

– Признаете себя виновным в антисоветской агитации?

– Нет, не признаю, – ответил отец Николай.

– Вы лишались избирательных прав?

– Все время был лишен избирательных прав. Все имущество было конфисковано по суду в 1922 году.

26 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протодиакон Николай Цветков был расстрелян на следующий день, 27 сентября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Сентябрь-Октябрь»
Тверь, 2003 год, стр. 32-49.

Библиография

ГАРФ. Ф. 10035, д. П537194, д. П565948.

«Известия». 1922, 7 декабря; 1923, 24 апреля, 27 апреля.

«Правда». 1923. 11 января, 12 января, 4 мая.

Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия (1917-1927). Т. 1. М., 1928.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001.